Math-Net.Ru

Общероссийский математический портал

С. С. Демидов, В. М. Тихомиров, Т. А. Токарева, Московское математическое общество в развитии отечественной математики (к 150-летию основания), *УМН*, 2015, том 70, выпуск 1, 189–203

DOI: <https://doi.org/10.4213/rm9641>

Использование Общероссийского математического портала Math-Net.Ru подразумевает, что вы прочитали и согласны с пользовательским соглашением <http://www.mathnet.ru/rus/agreement>

Параметры загрузки:

IP: 35.173.219.149

26 апреля 2023 г., 14:42:36

МАТЕМАТИЧЕСКАЯ ЖИЗНЬ

Московское математическое общество
в развитии отечественной математики

(к 150-летию основания)

Первая попытка организации математического общества в Москве была предпринята группой преподавателей и студентов Московского университета еще в 1810 г. [1; с. 316], [2]. Однако просуществовало это общество совсем недолго: в Первопрестольной еще не сложилось достаточно многочисленного сообщества активных профессиональных математиков, способных поддерживать его регулярную деятельность. Необходимые для этого условия появились лишь к 1860-м годам, когда в результате деятельности Н. Д. Брашмана (1796–1866) и Н. Е. Зернова (1804–1862) в Москве сформировался математический центр европейского уровня. Его созданию способствовала сама атмосфера, царившая в российском обществе того времени. Это был период судьбоносных преобразований в социальной жизни, произошедших в России после восшествия на трон в 1855 г. Александра II. Самым известным из этих преобразований стала отмена в 1861 г. крепостного права. Из реформ, имевших прямое отношение к рассматриваемым нами вопросам, назовем фундаментальную реорганизацию системы народного образования, в частности образования высшего. Согласно принятому в 1863 г. новому университетскому уставу, в преподавательском штате было увеличено число позиций для представителей математических наук. Устав рекомендовал учреждать при университетах научные общества [1].

В этой атмосфере в 1864 г. при Московском университете и было создано математическое общество. Первое его заседание состоялось 15(27) сентября на квартире Брашмана, к тому времени уже ушедшего на пенсию и по состоянию здоровья не имевшего возможности посещать университет. Замечательный математик и педагог, член-корреспондент Петербургской академии наук [3], он был избран президентом Общества. Вице-президентом стал А. Ю. Давидов (1823–1886), а секретарем – В. Я. Цингер (1836–1907). Первоначально Общество состояло из 14 человек. Среди них были преподаватели как университета: астроном Ф. А. Бредихин (1831–1904), математик Н. В. Бугаев (1837–1903), механик Ф. А. Слудский (1841–1897), физик Н. А. Любимов (1830–1897), так и других учебных заведений: профессор Московского высшего технического училища А. В. Летников (1837–1888), скромный преподаватель математики немецкой гимназии (Московского Петропавловского училища) К. М. Петерсон (1828–1881). Среди первых членов общества всего лишь один оказался не москвичом – это был воспитанник Московского университета, проживавший в Петербурге академик П. Л. Чебышёв (1821–1894). Так родилось одно из старейших математических обществ мира. Для сравнения: Лондонское было основано в 1865 г., Французское – в 1872 г., Математический кружок в Палермо – в 1884 г., Нью-Йоркское (послужившее основанием Американскому) – в 1888 г., Германское объединение математиков – в 1890 г. Старше московского из существующих ныне математических обществ только одно – голландское, основанное в 1778 г.

Поначалу Общество очень скромно позиционировало цели своей деятельности: “цель Общества, – читаем мы в протоколе его первого заседания [4; с. 472], – есть взаимное содействие в занятиях математическими науками”. Однако, как выяснилось вскоре, его лидеры ставили перед Обществом существенно более амбициозные цели. В новом, утвержденном в Петербурге в январе 1867 г., уставе Общества мы читаем: “Московское математическое общество учреждается с целью содействовать развитию математических наук в России” [5; с. III].

Уже на четвертом заседании Общества 15 декабря 1864 г. было высказано мнение о целесообразности публикации докладов, прочитанных на заседаниях, и в апреле 1865 г. было принято решение об издании журнала Общества. Обсуждался вопрос о языке, на котором будет выходить журнал. Некоторые члены Общества считали, что целесообразно публиковать его на одном из основных в математическом мире языков – тогда это были немецкий и французский, чтобы печатавшиеся в нем результаты становились известными в Европе. Победила точка зрения Н. В. Бугаева, считавшего, что основная цель нового издания – способствовать развитию математических исследований и математической культуры на родине. Поэтому издавать стали на русском. Подготовкой первого тома журнала, получившего название “Математический сборник”, руководил сам Брашман, который, однако, не дожид до его выхода в свет – первый том появился в октябре 1866 г. с его портретом и биографией. Издатели решили, “посвящая первый том памяти покойного президента Николая Дмитриевича Брашмана, отказаться от суммы, обещанной университетом, и сделать оплату из собственных средств” [4; с. 484]. Надо сказать, что длительное время (вплоть до 1896 г., когда журнал приобрел международную репутацию и средства для его издания стали выделяться Министерством народного просвещения) он издавался на средства членов Общества и различные субсидии (однажды такую субсидию выхлопотал Чебышёв [1; с. 317], иногда помогал университет). Так началась история одного из самых влиятельных математических журналов XX в. [6].

Последняя треть XIX – начало XX вв. – период активного развития Общества. И если в год своего создания оно насчитывало всего 14 членов, из которых только один был иногородним, то накануне Первой мировой войны оно уже состояло из 112 членов, из которых 34 жили в Москве, 57 – в различных городах Империи, а 21 составляли иностранные члены. Таким образом, деятельность Общества приобрела общероссийский и даже международный характер.

Роль деятельности Общества для развития математических наук в Империи была чрезвычайной. “По своему значению, – писал А. П. Юшкевич [1; с. 317], – Московское математическое общество уступало только Академии наук”. По тематике докладов, произнесенных на заседаниях Общества, – а докладчиками выступали ученые из разных городов (информация о них публиковалась на страницах “Математического сборника”), – можно судить об эволюции математических исследований во всей стране. О том значении, которое придавали Обществу сами москвичи, говорит тот факт, что для его руководства всегда избирались крупнейшие ученые – вот первые его президенты: 1864–1866 гг. – Н. Д. Брашман (1796–1866); 1866–1886 гг. – А. Ю. Давидов (1823–1886); 1886–1891 гг. – В. Я. Цингер (1836–1907); 1891–1903 гг. – Н. В. Бугаев (1837–1903); 1903–1905 гг. – П. А. Некрасов (1858–1924); 1905–1921 гг. – Н. Е. Жуковский (1847–1921); 1921–1923 гг. – Б. К. Млодзеевский (1858–1923). Еще более внушительно выглядит список (он будет приведен ниже) последующих руководителей Общества.

И конечно, Обществу принадлежит определяющая роль в преобразовании Москвы на рубеже XIX–XX вв. в важный европейский центр математических исследований, известный достижениями в области прикладной математики (Н. Е. Жуковский, С. А. Чаплыгин) и дифференциальной геометрии (К. М. Петерсон, Б. К. Млодзеевский, Д. Ф. Егоров), а также интересными результатами по проективной геометрии

(К. А. Андреев, А. К. Власов), теории чисел (Н. В. Бугаев) и теории функций комплексного переменного (П. А. Некрасов).

Для исследований москвичей той поры были характерны интерес к приложениям, предрасположенность к геометрии и ясным геометрическим конструкциям, а также стремление к философскому осмыслению предмета и методов развиваемой ими математики. При этом доминирующим в их среде стал интерес к идеалистической и даже религиозной философии. Этот интерес стал основанием для закрепившегося за московской школой этого периода наименования “философско-математическая”.

Лидером этой школы стал наиболее влиятельный в Москве того времени математик Н. В. Бугаев. Оригинальный философ, он стал автором собственной философской системы – “эволюционной монадологии”. Его философские идеи получили развитие в трудах таких известных философов, как П. А. Флоренский и А. Ф. Лосев, но, что особенно важно для нас, они стали основанием для особого интереса москвичей к разрывным функциям. Создание теории таких функций Бугаев рассматривал как одну из важнейших задач современной математики и пытался вместе со своими учениками решить ее в рамках развиваемой им “аритмологии” [7], ядро которой составляло учение о теоретико-числовых функциях.

Деятельность московской философско-математической школы протекала в условиях острого конфликта с другой, более известной тогда в Европе петербургской школой, или, как ее часто называют, школой Чебышёва (А. А. Марков, А. М. Ляпунов и др.). Основанием для этой конфронтации стали, прежде всего, разногласия идейного порядка, определившие, в известной мере, математическую ориентацию столичных школ: позитивизм, либеральный демократизм и антимонархизм, доминировавшие в петербургской среде, с одной стороны; воинствующий антипозитивизм, увлеченность идеалистической и даже религиозной философией, православие и монархизм, присущие москвичам, – с другой [7].

Противостояние математиков двух столиц наложило отпечаток на жизнь всего российского математического сообщества последней трети XIX – первой трети XX вв., создав в нем известное напряжение. (Не надо забывать, что подавляющую часть профессуры провинциальных университетов – Харьковского, Киевского, Новороссийского, Варшавского, Юрьевского – составляли воспитанники Московского и Петербургского университетов.) Это напряжение приводило к конфликтным ситуациям, зачастую заканчивавшимся открытыми столкновениями. Так случилось, например, в связи с дискуссией о методе нахождения дробно-рациональных интегралов линейных дифференциальных уравнений с целыми рациональными коэффициентами, предложенном В. Г. Имшенецким в работах 1887–1891 гг. Эти работы, вызвавшие критику со стороны А. А. Маркова и К. А. Поссе, были поддержаны москвичами – К. А. Андреевым, П. А. Некрасовым и др. К. А. Поссе, А. Н. Коркин и Д. К. Бобылёв обратились с письмом в Московское математическое общество. Именно на заседании Общества 19 мая 1892 г. эта дискуссия закончилась ожесточенным столкновением, приведшим 24 мая к смерти Имшенецкого от паралича сердца. Другим примером подобной ситуации может служить критика Марковым знаменитых результатов 1888 г. С. В. Ковалевской, касающихся интегралов уравнений движения твердого тела вокруг неподвижной точки. На стороне Ковалевской опять выступили москвичи. Все эти конфликты обсуждались на заседаниях Московского математического общества, выступавшего в роли арбитра. Здесь со всей отчетливостью проявилась особая роль Общества, столь важная в период становления российского математического сообщества, роль организации сообщества – *общественной* организации. Притом организации, деятельность которой носила не местный (московский!), а общенациональный характер.

Разумеется, особо важную роль играло Общество в развитии математических исследований в самой Москве, начавшей вырастать из просто заметного в Европе центра математических исследований в одну из ведущих мировых математических столиц.

Хотя, как мы уже говорили, к началу XX в. Москва заявила о себе как об одном из европейских центров математических исследований, москвичи не были в восторге от положения сообщества, третируемого академическим Петербургом. Они искали тематику, разработка которой позволила бы им выйти на передовые рубежи современных исследований. При этом тематика эта должна была быть, по возможности, удаленной от сюжетов, разрабатывавшихся математиками северной столицы. И такую тематику они нашли – ею оказалась новая теория функций действительного переменного, зародившаяся в 90-е годы XIX в. в работах французских математиков Э. Бореля, А. Лебега и Р. Бэра. В этих работах на базе теории множеств Г. Кантора строилась новая теория разрывных функций – цель, которую безуспешно пытался достичь в своей аритмологии Н. В. Бугаев с учениками. Один из них, Д. Ф. Егоров (1869–1931), даже начал с работы по аритмологии свою научную карьеру. Однако, будучи математиком с великокопной интуицией, он быстро разочаровался в бугаевской аритмологии и в качестве темы своих дальнейших исследований избрал дифференциально-геометрическое направление, начало развитию которого в Москве положил К. М. Петерсон. На этом пути ему сопутствовала удача – в 1899 г. он защитил магистерскую диссертацию “Уравнения с частными производными второго порядка по двум независимым переменным. Общая теория интегралов, характеристики”, а в 1901 г. – докторскую “Об одном классе ортогональных систем”. Основные результаты докторской диссертации вошли во второе издание известного трактата Г. Дарбу “*Leçons sur les systèmes orthogonaux et les coordonnées curvilignes*” (Paris, 1910), назвавшего в честь Егорова класс E-поверхностей. Однако он не забывал и аритмологических сюжетов своей юности – теории разрывных функций [8]. Познакомившись с работами по теории функций действительного переменного молодых французских математиков, он сразу увидел в ней чаемую покойным Бугаевым теорию разрывных функций и увлекся ею. В 1911 г. в “*Comptes Rendus*” Академии наук Франции появилась его заметка “О последовательности измеримых функций”, содержавшая теорему, известную ныне как теорема Егорова, а уже в 1912 г. в том же журнале была опубликована статья его ученика Н. Н. Лузина (1883–1950) “К основной теореме интегрального исчисления” о C-свойстве. Так началась история знаменитой московской школы теории функций, или, как ее часто называют, школы Егорова–Лузина. Ее рост был стремительным, успехи поразительными. В 1915 г. публикуется знаменитый труд Лузина “Интеграл и тригонометрический ряд”, в который наряду с его собственными достижениями включены и результаты одного из первых его учеников – А. Я. Хинчина. Уже в годы, предшествующие революционным событиям 1917 г., Лузиным и его учениками – А. Я. Хинчиным, Д. Е. Меньшовым, П. С. Александровым, М. Я. Суслиным – были получены результаты, заявившие о появлении в Москве одной из наиболее ярких школ современной Европы.

Безусловно, в развитии этого успеха существенна роль Московского математического общества. Проблематика теории множеств и теории функций действительного переменного заняла особое место в его работе, а также в деятельности организованного при Обществе в 1902 г. студенческого математического кружка [9], [10]. Инициатором и первым секретарем кружка выступил Флоренский, а его преемником Лузин. Общество стало той площадкой, на которой творилась история новой школы. Здесь обсуждались результаты ее лидера – Лузина, здесь докладывались наиболее важные достижения его учеников. Делал это либо сам Лузин, либо авторы. Так, в его докладе 1915 г. было сообщено о примере Меньшова тригонометрического ряда, не все коэффициенты которого равны нулю, но сумма которого есть нуль, а также о теореме

Александрова о мощности B -множеств, а в докладе 1916 г. – об основных результатах Суслина. В 1914 и 1916 гг. на Обществе выступил Меньшов, в 1915 и 1916 гг. – Хинчин [11].

Особенное значение имела деятельность Общества в тяжелые для науки и образования 1917–1923 гг. Это был период, когда университетская жизнь лишь теплилась – сложности с продуктами и топливом вынудили многих преподавателей покинуть город. Продолжались заседания Общества, которые собирали всех математиков, которые на момент их проведения оказывались в городе. Президенты Общества оставались в Москве на протяжении всего трудного периода. И Общество взяло на себя роль не только организатора московской математической жизни, но и одного из создателей общегосударственного (теперь уже советского) математического сообщества. Такой его роли способствовал случившийся в 1918 г. перенос столицы в Москву. Важным обстоятельством было то, что в 1923 г. президентом Общества стал Егоров – выдающийся математик и замечательный организатор [8].

Прежде всего, Егоров поставил задачу возобновления издания “Математического сборника” [6]. И в 1924 г. в Госиздате увидел свет 31-й его том. Учитывая складывающуюся ситуацию в советской уже науке, он изменил характер журнала, преобразовав его из издания прежде всего московского во всесоюзное и даже международное. Для этого с 32-го тома в редколлегию журнала был введен В. А. Стеклов – лидер ленинградской школы, по уже установившейся традиции противостоявшей москвичам. Более того, начиная с этого тома журнал был объявлен органом не только Московского, но также Ленинградского и Казанского математических обществ – это положение сохранялось до 1936 г., когда издателем выступила АН СССР. Кроме русского официальными языками журнала становятся немецкий, французский, итальянский и английский. В результате голода на научную периодику, возникшего после окончания Первой мировой войны в Европе, инициатива Егорова оказалась в высшей степени востребованной. Среди авторов “Математического сборника” 1920-х – начала 1930-х годов мы видим Ж. Адамара, Б. Гамбье, С. Лефшеца, Э. Картана, Р. Мизеса, Э. Нётер, В. Серпинского, Л. Тонелли, М. Фреше, Х. Хопфа.

Главным для советского математического сообщества, которое лишь начинало формироваться, было появление общесоюзного печатного органа, нацеленного на широкое международное сотрудничество. Кроме работ москвичей в журнале печатались работы ленинградцев (А. С. и Я. С. Безиковичей, Н. М. Гюнтера, Л. В. Канторовича, И. А. Лаппо-Данилевского, С. Л. Соболева, Г. М. Фихтенгольца, В. А. Фока), а также математиков из различных городов страны – Казани (Н. Г. Чеботарёва), Ростова-на-Дону (Д. Д. Мордухай-Болтовского), Киева (Д. А. Граве, Н. М. Крылова), Одессы (М. Г. Крейна).

Другой важной инициативой президента Московского математического общества Егорова, направленной на укрепление отечественного математического сообщества, стала организация и проведение в Москве весной 1927 г. Всероссийского съезда математиков [12]. Этот съезд, председателем которого был избран Егоров, собрал 378 участников из 33 городов Советского Союза (от Ленинграда до Тифлиса и Баку, от Минска до Перми – в европейской части, от Омска до Ташкента и от Томска до Владивостока – в азиатской). На нем было принято решение о создании Всесоюзной ассоциации математических учреждений и был избран ее Совет, который взял на себя издание трудов съезда, осуществленное в 1928 г., и подготовку Первого Всесоюзного съезда математиков, состоявшегося в июне 1930 г. в Харькове. Так инициативой Московского математического общества было положено начало регулярной жизни отечественного математического сообщества. Выступив инициатором создания его новой структуры – Всесоюзной ассоциации – Общество, не претендуя в ней на какую-то особую роль, продолжило традицию содействовать развитию математики в России. (Ассоциация, однако, не оказалась жизнеспособной. Достаточно быстро она канула

в вечность. Советское математическое сообщество отторгло попытку полной унификации на манер организации единого Французского математического общества, или Германского объединения математиков, или Американского математического общества, предпочтя развитие в формате совокупности региональных математических обществ, в которой особая роль признавалась за Московским – первым среди равных.)

Общество сыграло важную роль в процессе активного расширения тематики исследований московской школы теории функций в конце 1920-х–начале 1930-х годов, сопровождавшегося ее распадом на множество дочерних. Этот процесс, явившийся, с одной стороны, свидетельством необычайных жизненных сил школы и открывающихся перед ней перспектив – с другой, стал причиной конфликтной ситуации, сложившейся между Лузиным и некоторыми из его учеников. Сложная политическая атмосфера, в которую оказалась погруженной наука в тот непростой период нашей истории, придала этой ситуации, вылившейся в “дело академика Н. Н. Лузина” [13], идеологический характер.

Этому драматическому эпизоду в истории математики в Москве предшествовало еще одно “дело”, одним из фигурантов которого стал Егоров. В 1920–1930-е годы он – центральная фигура математической жизни Москвы: директор Научно-исследовательского института математики и механики Московского университета, президент Московского математического общества. В то же время это человек глубоко верующий и резко отрицательно настроенный к советской власти, при этом не только не скрывавший своих политических и религиозных убеждений, но активно с ними выступавший [8]. Разумеется, советская власть не стала с этим долго мириться. Егоров стал объектом постоянных нападок пролетарских идеологов, которые в конечном итоге привели к его аресту в 1930 г. по сфабрикованному ОГПУ делу “всесоюзной контрреволюционной монархической организации Истинно-православная церковь” и к его смерти в Казани в 1931 г. [8].

После ареста Егорова под ударом оказалось возглавляемое им Общество. Стала реальной угрозой его закрытия [14]. Лишь своевременными действиями его лидеров – “избранием” на некоторое короткое время президентом партийного идеолога Э. Кольмана¹ (было и такое!), принятием Обществом декларации “инициативной группы молодых советских математиков” по реорганизации Общества, “направленной как против открыто реакционных элементов в среде математиков, так и против мнимой советской позиции буржуазно-демократических попутчиков” [6; с. 144] – удалось вывести Общество из под удара [15]. Президентом Общества в 1932 г. стал П. С. Александров (1896–1982), сохранявший эту позицию до 1964 г.

“Дело Егорова” обозначило начало нового этапа в жизни математического сообщества – открытая антисоветская позиция его членов была отныне нетерпима.

“Дело Лузина” можно рассматривать как дальнейшее развитие идеологического наступления на советском “математическом фронте” [13]. Ученым указали на необходимость поставить всю свою научную деятельность под полный идеологический контроль советского государства. И математики восприняли этот урок и сделали из него выводы – нельзя воевать с государственной идеологией, ей нужно подчиниться, но подчиниться так, чтобы идеология, по возможности, не мешала свободному развитию математической мысли, а если и мешала, то в наименьшей возможной степени, чтобы “идеологи” рекрутировались, по возможности, из круга лиц, совместимых с лидерами математического сообщества. То есть поставить заслон лицам типа Кольмана, но благожелательно отнестись к фигурам типа С. А. Яновской. Более того, взять марксистско-ленинскую интерпретацию предмета и методов математики в собственные руки. (Одним из итогов этих усилий стало появление в 1956 г. трехтомного коллективного труда “Математика, ее содержание, методы и значение”, подготовленного под редакцией А. Д. Александрова, А. Н. Колмогорова и М. А. Лаврентьева.)

К середине 1930-х годов Общество оказалось одной из самых авторитетных организаций в отечественном математическом сообществе. Вместе с Математическим институтом им. В. А. Стеклова АН СССР, который в 1934 г. переехал в Москву, и механико-математическим факультетом, организованным в 1933 г. в новой структуре Московского университета, оно вошло в состав того ядра, вокруг которого начала формироваться одна из ведущих математических школ второй половины XX в. – советская математическая школа.

От двух названных институтов Общество отличает одна особенность – оно являлось организацией не государственной, а общественной. Прежде всего, оно играло роль своего рода профессионального клуба – здесь докладывались и обсуждались новейшие результаты отечественных и зарубежных математиков. Но здесь же дискутировались и внутренние проблемы жизни отечественного сообщества: мы уже упоминали о проходивших на заседаниях Общества дебатах по поводу результатов Имшенецкого или Ковалевской – математиков отнюдь не московских, отметим также занятия Общества проблемами школьного математического образования. А в некоторые переломные моменты жизни отечественного математического сообщества именно общественный характер позволял ему выходить на ее передний край, задавая само направление движения отечественной математики.

В тяжелые годы Великой Отечественной войны, когда большинство московских математиков, не ушедших на фронт, оказались в эвакуации, в Казани и в Ташкенте (из которого они переехали вначале в Ашхабад, а затем в Свердловск), Московское математическое общество, состоящее из нескольких отделений, продолжало функционировать, выполняя объединительную общенациональную миссию. Так, Казанское отделение Общества совместно с Казанским физико-математическим обществом провело 9 февраля 1942 г. торжественное заседание, посвященное 75-летию своего основания (здесь счет велся с 1867 г., когда Общество получило официальный статус – было удостоено “высочайшего утверждения”), с докладами П. С. Александрова, А. Я. Хинчина, А. Н. Крылова и Л. Н. Сретенского [15].

С 1946 г. Московское математическое общество начало издание периодического журнала “Успехи математических наук”, продолжившего традицию издаваемых с 1936 г. Всесоюзной математической ассоциацией неперiodических сборников с тем же наименованием (всего таких сборников вышло десять² – предпоследний в 1941 г., а последний, с титульной страницы которого исчезло упоминание об Ассоциации, в 1944 г.). Основная цель нового издания состояла в том, чтобы, как было заявлено еще в предисловии “От редакции” к первому выпуску 1936 г., “дать возможность широким кругам советских математиков следить за достижениями современной математики и этим самым способствовать повышению своей математической квалификации”. Новый журнал (с 1952 г. он уже совместное предприятие Общества и Академии наук СССР) стал основным советским математическим периодическим изданием, выходящим 6 раз в год, публикующим обзорные статьи, научные сообщения (сделанные на заседаниях Общества либо представленные в редакцию и содержащие важные результаты, которые необходимо достаточно быстро довести до сведения математического сообщества), а также информационные материалы о математической жизни в стране (в частности, о заседаниях Московского и Ленинградского обществ, о конференциях по наиболее актуальным направлениям в математике или о применениях математики в новых областях науки) и за рубежом [16]. В наши дни во главе редколлегии “Успехов” стоит С. П. Новиков, его заместители – В. М. Бухштабер и А. А. Мальцев. Английскую версию журнала издает Лондонское математическое общество. Выходят также “Труды Московского математического общества”, главный редактор А. Г. Сергеев. Их английская версия издается Американским математическим обществом.

Именно Общество играло основную роль в создании фундаментальных трудов “Математика в СССР за 15 лет”, “Математика в СССР за 30 лет”, двухтомника “Математи-

ка в СССР за 40 лет”, а также вышедшего в двух книгах второго тома “Математики в СССР. 1958–1967”. Общество организовывало съезды, конференции, семинары и присуждало специальные премии для молодых ученых. Среди лауреатов премии Общества мы видим цвет математической мысли страны. Первыми лауреатами премии Московского математического общества стали в 1935 г. И. М. Гельфанд, М. В. Келдыш и П. К. Рашевский. В 1936 г. этой премии удостоились С. А. Христианович и Н. Г. Чудаков, в 1939 г. – Б. В. Гнеденко, В. В. Соколовский, А. И. Узков и С. Н. Черников, в 1940 г. – В. Я. Козлов, Л. А. Мельцер, Г. П. Толстов, Д. О. Шклярский, в 1945 г. – Н. Я. Виленкин и Н. А. Леднёв, в 1946 г. – Г. М. Адельсон-Вельский с А. С. Кронродом и И. А. Вайнштейн, в 1947 г. – М. И. Граев и А. Д. Мышкис, в 1948 г. – А. С. Кронрод и С. Н. Мергелян, в 1949 г. – М. И. Вишик и И. Р. Шафаревич, в 1950 г. – Е. Б. Дынкин и С. Б. Стечкин, в 1951 г. – Е. М. Ландис и К. А. Ситников, в 1952 г. – Ю. В. Прохоров и И. И. Пятацкий-Шапиро, в 1953 г. – Л. Д. Кудрявцев, в 1954 г. – М. М. Постников, Л. А. Скорняков и П. Л. Ульянов, в 1955 г. – Р. Л. Добрушин и Ф. И. Карпелевич, в 1956 г. – С. И. Адян и А. Г. Витушкин, в 1957 г. – В. И. Арнольд и Ф. А. Березин, в 1958 г. – А. А. Мучник и А. С. Шварц, в 1959 г. – В. А. Кондратьев и О. Б. Лупанов, в 1960 г. – А. Г. Костюченко с Б. С. Митягиным и Я. Г. Синай, в 1961 г. – О. В. Бесов, в 1962 г. – А. С. Дынин, А. Л. Онищик, Л. А. Сахнович, Е. Г. Складенко, в 1963 г. – А. Д. Вентцель, Э. Б. Винберг с С. Г. Гиндикиным и Ю. И. Манин, в 1964 г. – Е. С. Голод, С. П. Новиков, Е. П. Долженко, в 1965 г. – Д. В. Аносов и А. А. Кириллов, в 1966 г. – Б. Р. Вайнберг с В. В. Грушиным и Ю. В. Егоровым, Б. Г. Мойшезон и А. М. Олевский, в 1967 г. – А. Б. Каток с В. И. Оселедцем и А. М. Стёпиным и В. П. Паламодов, в 1968 г. – Д. А. Каждан, Г. А. Маргулис и М. С. Мельников, в 1969 г. – А. Ю. Ольшанский и Г. М. Хенкин, в 1970 г. – В. М. Бухштабер с А. С. Мищенко, М. Л. Громов и Г. В. Чудновский, в 1971 г. – С. Ю. Аракелов с А. Н. Паршиным, Ю. В. Матиясевич и А. Т. Фоменко, в 1972 г. – Ю. П. Размыслов и А. Л. Том, в 1973 г. – А. Н. Варченко и Д. С. Сильвестров, в 1974 г. – Л. Н. Васерштейн с А. А. Суслиным и Н. Н. Нехорошев, в 1975 г. – И. Н. Бернштейн и А. М. Габриэлов, в 1976 г. – Б. А. Дубровин, А. Р. Итс, И. М. Кричевер и Е. В. Щепин, в 1977 г. – В. М. Харламов, в 1978 г. – Б. С. Кашин и В. В. Никулин, в 1979 г. – Р. И. Григорчук и В. Г. Дринфельд, в 1980 г. – Г. В. Белый и В. Х. Салихов, в 1981 г. – А. С. Меркурьев, в 1982 г. – М. В. Сафонов и Н. С. Надирашвили, в 1983 г. – А. А. Бейлинсон и С. М. Воронин, в 1984 г. – П. И. Кацыло, в 1985 г. – В. А. Васильев и А. Н. Дранишников. Традиция присуждения премий молодым математикам за выдающиеся математические результаты продолжается и сегодня. Так, в 2012 г. премии был удостоен А. А. Гайфуллин за цикл работ “Комбинаторная реализация циклов”, а в 2013 г. – Е. А. Горский за цикл исследований “Томологии алгебраических узлов”. Премии Московского математического общества стали признанием первых успехов для многих впоследствии выдающихся математиков. Некоторые из лауреатов были удостоены в дальнейшем Золотой медали Филдса: это – С. П. Новиков (1970), Г. А. Маргулис (1978), В. Г. Дринфельд (1990). А М. Л. Громов в 2009 г. и Я. Г. Синай в 2014 г. были награждены учрежденной правительством Норвегии премией Абеля, присуждаемой “выдающимся математикам современности” и получившей репутацию “Нобелевской премии по математике”.

Велико значение Общества и в развитии преподавания математики, прежде всего в советской средней школе. Эта тема находилась в центре внимания Общества с момента его основания. В первых десяти томах “Математического сборника” существовал даже специальный раздел, предназначенный для учителей гимназий и учащейся молодежи, в котором печатались статьи по элементарной математике, истории и философии математики, чисто информационные заметки (в этом разделе был опубликован русский перевод “Истории геометрии” М. Шаля). В феврале 1934 г. была создана секция элементарной математики, вскоре переименованная в научно-педагогическую, а затем в секцию средней школы. Во время войны секция не функционировала, она

возобновила свою работу лишь в 1948 г. (под руководством А. И. Маркушевича). Основная задача секции – содействовать повышению уровня преподавания математики в школе, обмениваться преподавательским опытом, устанавливать постоянные связи между преподавателями средней и высшей школы. Особенно следует отметить инициативу Общества середины 1930-х годов, связанную с организацией школьных математических олимпиад, первая из которых была проведена осенью 1935 г. Председателем ее оргкомитета стал президент Общества П. С. Александров. Так было положено начало мощному впоследствии олимпиадному движению в стране. Многие из известных математиков XX в. начали свою карьеру, став победителями таких олимпиад.

На протяжении своей истории Общество неоднократно обсуждало проблемы, связанные с программами и учебниками по математике для средней школы. Так, бурное и чрезвычайно многолюдное заседание Общества, состоявшееся 27 ноября 2001 г., было посвящено предполагаемой реформе школы и перспективам математического образования, планируемыми Министерством образования РФ и вызвавшим негативную реакцию в математическом сообществе.

Роль общественной организации сделала деятельность Московского математического общества особенно важной в идеологизированном советском обществе. На заседаниях Общества трибуна предоставлялась и математикам, находившимся в сложных отношениях с советскими и партийными властями. Более того, Общество “позволило” себе в начале 1970-х годов избрать в качестве своего президента И. Р. Шафаревича, который вел тогда активную правозащитную деятельность.

Обратим внимание также на то немаловажное обстоятельство, что президентами Общества всегда были крупные, по большей части даже крупнейшие, математики своего времени, что, конечно, поднимало его престиж и значение в отечественном математическом сообществе. Вот их список начиная с 1923 г.: 1923–1931 гг. – Д. Ф. Егоров (1869–1931); 1932–1964 гг. – П. С. Александров (1896–1982); 1964–1966 гг. и 1973–1985 гг. – А. Н. Колмогоров (1903–1987); 1966–1970 гг. – И. М. Гельфанд (1913–2009); 1970–1973 гг. – И. Р. Шафаревич; 1985–1996 гг. – С. П. Новиков; 1996–2010 гг. – В. И. Арнольд (1937–2010). С 2010 г. Общество возглавляет В. А. Васильев.

Основанное как кружок математиков, поддерживающих друг друга в научных занятиях, оно трансформировалось в неформальную ассоциацию, в значительной степени координирующую и организующую деятельность не только московского, но и национального математического сообщества. В советский период Московское математическое общество взяло на себя роль ведущей в стране общественной, до известной степени независимой от партийных и государственных органов, организации. Маневрируя между не всегда действовавшими в унисон административными организациями – Отделением математики АН СССР и Математическим институтом им. В. А. Стеклова, с одной стороны, и Министерством высшего и среднего специального образования СССР, руководством Московского университета и его механико-математического факультета – с другой, Московское математическое общество успешно преодолеvalo встречавшиеся на его пути рифы, сохраняя высокую научную репутацию и авторитет в отечественном математическом сообществе.

Говоря о значении Общества в жизни отечественной математики в 1950–1970-х годах, нельзя не упомянуть о выдающейся роли ректора Московского университета Ивана Георгиевича Петровского, высоко ценившего Общество и содействовавшего ему всеми доступными средствами в очень сложной политической обстановке тех лет.

Именно на непростые шестидесятые годы пришлась золотая пора расцвета московской математики – это было время, когда наряду с крупнейшими математиками, прославившимися своими достижениями еще в довоенные годы, делали свои первые шаги восходящие звезды XX в. – Д. В. Аносов, В. И. Арнольд, Ю. И. Манин, С. П. Новиков, Я. Г. Синай. На эти годы пришлось 100-летие Общества [17; с. 236].

20 октября 1964 г. состоялось торжественное заседание, на котором выступили тогдашний президент П. С. Александров [18], А. Г. Курош [19], рассказавший о деятельности Общества за последнюю треть века, и старейшие его члены Д. Е. Меньшов [20], Л. А. Люстерник [21]. А 21, 22 и 24 октября прошли юбилейные чтения, продемонстрировавшие широту диапазона математического творчества его членов. Здесь и москвичи Н. Н. Боголюбов [22], М. И. Вишик, А. Н. Колмогоров, совсем молодой С. П. Новиков [23] и И. И. Пятацкий-Шапиро, и одессит М. Г. Крейн, и киевлянин А. В. Скороход [24].

Чтобы продемонстрировать насыщенность математической жизни и роль Московского математического общества, приведем имена докладчиков и темы докладов, прочитанных на заседаниях Общества в течение только одного сезона: с осени 1969 г. по весну 1970 г. (Информация взята из материалов тогдашнего секретаря Общества – замечательного математика Владимира Михайловича Алексеева. Приводимые в скобках слагаемые – это число присутствовавших на докладе членов Общества и математиков, в нем тогда не состоявших; эти цифры во многом определяют пульс математической жизни того времени.)

14.10.1969. С. П. Новиков, “Алгебраическая К-теория с точки зрения гамильтонова формализма” ($59 + 137 = 196$).

21.10.1969. Э. Хьюитт (США), “Некоторые лакуны в теории лакунарных рядов” ($23 + 13 = 36$).

28.10.1969. Заседание, посвященное лауреатам премии Общества за 1968 г. ($26 + 79 = 105$): Д. А. Кэждан, “О связи когомологии полупростой группы Ли с когомологиями ее дискретных подгрупп”; Г. А. Маргулис, “Изометричность многообразий постоянной отрицательной кривизны с заданной фундаментальной группой”; М. С. Мельников, “Метрические свойства аналитической А-емкости и приближение аналитических функций с А-условием Гёльдера рациональными функциями”.

18.11.1969. И. М. Гельфанд, Д. Б. Фукс, “Когомологии бесконечномерных алгебр Ли” ($43 + 115 = 158$).

25.11.1969. С. И. Адян, “Тождественные отношения в группах” ($31 + 41 = 72$).

02.12.1969. Г. Н. Тюрин, “Универсальные деформации изолированных особенностей комплексных пространств” ($25 + 57 = 82$).

25.01.1970. Э. Колчин (США), “Теория Галуа дифференциальных уравнений” ($36 + 58 = 94$).

17.02.1970. В. А. Белинский, Е. М. Лифшиц, И. М. Халатников, “Об особенностях когомологических решений уравнений гравитации” ($32 + 59 = 91$).

24.02.1970. А. Н. Колмогоров, “Статистика гидродинамики океана” ($32 + 107 = 139$).

03.03.1970. В. А. Рохлин, “Двумерные гомотопии и двумерные подмногообразия четырехмерных многообразий” ($35 + 87 = 122$).

10.03.1970. А. В. Архангельский, “О мощности бикомпактов” ($28 + 36 = 64$).

17.03.1970. Ю. К. Беляев, “Всплески случайных полей”; В. И. Арнольд, “О некоторых алгебраических инвариантах алгебраических функций” ($24 + 46 = 70$).

14.04.1970. Ю. В. Матиясевич, “Диофантовость перечислимых множеств” ($31 + 150 = 181$).

Какой блистательный набор докладчиков! Какое разнообразие тем: алгебраическая геометрия, алгебраическая и общая топология, космология и гидродинамика, математическая логика (в которой были представлены решения проблем Бернсайда (Адян) и Гильберта (Матиясевич)), вероятность, алгебра, анализ, теория функций.

Активнейшее участие в работе Общества на протяжении всей своей творческой жизни принимал А. Н. Колмогоров. Его первое выступление состоялось в год выхода в свет его первой публикации (1923 г.), а последнее – в 1985 г., когда он был уже тяжело болен. А всего Колмогоров выступал на заседаниях Общества с собственными

результатами и обзорами около 100 раз! В 70-е годы его авторитет не позволил распустить Общество, оказавшееся неподконтрольным партийным структурам в период обострения борьбы с инакомыслием.

Свою высокую миссию Общество продолжало исполнять и в тяжелые годы перестройки, и в последующий непростой период нашей истории. Особенно трудным оказалось начало 1990-х годов, когда должность президента исполнял С. П. Новиков. Ему удалось, опираясь на свой авторитет в Академии наук и Московском университете, добиться для Общества необходимого юридического статуса, что было в те лихие годы, когда многие научные общества теряли свой официальный статус, делом совсем непростым. Вместе с ведущими математиками Европы (М. Атья, Ф. Хирцебрух) он стал учредителем Европейского математического общества и много сделал для его развития, в частности, для укрепления связей с ним Московского математического общества. В Исполком Европейского математического общества всегда входили российские математики – А. М. Вершик, В. М. Бухштабер, И. М. Кричевер. Сегодня Россию в Исполкоме представляет А. Г. Сергеев.

После неожиданной смерти в 2010 г. тогдашнего президента Московского математического общества В. И. Арнольда инициативу в свои руки взял С. П. Новиков, предложивший руководству Общества кандидатуру В. А. Васильева, который и был избран президентом. Самого Новикова избрали почетным президентом. На их плечи, а также на избранное тогда же руководство легла нелегкая обязанность вести корабль Общества по беспокойному ныне океану современной жизни.

Традиции, заложенные основателями Московского математического общества, укрепленные и развитые выдающимися представителями последующих поколений, стали прочным фундаментом для продолжения его успешной научной и организационной деятельности. В основании этих традиций лежат высокие академические стандарты, о сути которых так сказал на столетнем юбилее Общества тогдашний его президент Павел Сергеевич Александров [18; с. 9]: “Московское математическое общество всегда культивировало <...> многогранное развитие математики, не стараясь втиснуть его ни в какие заранее данные рамки и системы оценок. В течение десятилетий Московское математическое общество было тем местом, на котором произрастали и жили математические открытия, искания, волнения, все творческие эмоции московских математиков нескольких поколений. Московское математическое общество не было только местом, где регистрировались отдельные математические результаты, где читались популярные лекции по математике. Московское математическое общество было школой математической эстетики, математического вкуса, очень взыскательного, и школой математической этики, научной этики, тоже очень взыскательной”.

В тяжелые периоды, переживаемые отечественной математикой, Общество не колеблясь брало на себя роль общества национального. Сегодня российская математика переживает именно такой период. И мы хотим выразить надежду на успешность дальнейшей деятельности Общества в осуществлении добровольно взятой на себя высокой миссии – “содействовать развитию математических наук в России”.

Примечания

¹ Кольман Эрнест Яромирович (1892, Прага – 1979, Стокгольм) окончил математическое отделение Карлова университета в Праге. В Первую мировую войну, воюя в рядах австро-венгерской армии, оказался на территории России и попал в плен. В 1917 г. вступил в Красную армию и в ряды РКП(б). Был послан Коминтерном для ведения подрывной работы в Германию. В 1930 г. вернулся в СССР, где начал работать в Институте красной профессуры. Возглавил Ассоциацию институтов естествознания Коммунистической академии. Его задача в те годы – поставить научные исследования в СССР на марксистско-ленинские

рельсы и борьба с враждебной курсу партии идеологией. Математик по образованию, Кольман обращал особое внимание на ситуацию в московских математических кругах, где ему открылся большой простор для борьбы с явной и скрытой контрреволюцией. Отсюда его вовлеченность в события, связанные с “вражеской” деятельностью Д. Ф. Егорова (президентский пост которого в Московском математическом обществе он даже, правда на короткое время, занял), участие в организации в 1936 г. “дела Н. Н. Лузина” [13]. В 1936–1938 гг. он заведовал Отделом науки Московского горкома ВКП(б). Будучи вынужденным из-за ареста братьев жены оставить этот пост, работал в Институте философии АН СССР и преподавал математику в Московском энергетическом институте. После окончания войны в 1945 г. был направлен в Прагу на пост заведующего Отделом пропаганды ЦК Компартии Чехословакии. В 1948 г. был арестован за критику руководства партии (Р. Сланского и др.) и отправлен в СССР, где три с половиной года находился в заключении. В 1952 г. был освобожден и начал работать в Институте истории естествознания и техники АН СССР и преподавать математику в Московском автомеханическом институте. В 1959 г. покровительствовавшим ему Н. С. Хрущёвым был направлен в Чехословакию на пост директора Института философии Чехословацкой академии наук, членом которой он был тогда же избран. Через два года вернулся в Москву, где продолжил занятия историей и философией математики, а также включился в диссидентскую деятельность. В 1976 г. уехал в Швецию для воссоединения с дочерью, откуда выступил с открытым письмом Л. И. Брежневу, в котором заявил о своем выходе из партии. В 1982 г. в Нью-Йорке вышла его автобиографическая книга “Мы не должны были так жить”, претендовавшая служить его исповедью. В этой “исповеди”, однако, он ни словом не обмолвился о “деле Н. Н. Лузина”, одним из главных организаторов которого, как выяснилось из архивных материалов [13], он выступал. Более того, когда исследовавший это “дело” известный французский историк математики П. Дюгак направил ему письмо в Стокгольм с просьбой рассказать об известных ему обстоятельствах “дела” (ведь в ту пору Кольман возглавлял Отдел науки МГК ВКП(б) и тогдашнее московское математическое сообщество не было для него абсолютно чужим), Кольман (по свидетельству Дюгака и А. П. Юшкевича) ответил, что ничем помочь Дюгаку он не может, так как занимался тогда совершенно другими вопросами, и предложил обратиться к крупнейшему советскому историку математики Юшкевичу. В своих историко-математических трудах (например, в книге “История математики в древности”, 1961) Кольман выступает, прежде всего, как философ, старающийся подчинить марксистской доктрине реальный ход развития науки.

² Десять выпусков сборника “Успехи математических наук”, вышедшие в 1936–1944 гг., стали замечательным экспериментом, в ходе которого вырабатывался совершенно новый тип периодического (хотя сами они по не зависящим от издателей причинам так и не стали периодическими) издания, призванного объединять и организовывать математическое сообщество огромной страны – рассказывать о новых направлениях в математике, определяющих ее современный облик, о жизни и деятельности математических институтов в стране и за рубежом, о новых изданиях и начинаниях, о конференциях разного уровня, о прикладных исследованиях, напоминать о знаменательных исторических датах и выдающихся творцах прошлого и настоящего. Выдающуюся роль в создании серии сыграл ее ответственный редактор Л. А. Люстерник, сумевший привлечь к изданию крупнейших современных отечественных математиков, а также первоклассных иностранных специалистов (С. Лефшеца, А. Вейля и др.).

Центральное место в сборниках отводилось циклам статей по наиболее актуальным тогда вопросам математики: функциональному анализу (статьи советских математиков Л. А. Люстерника и В. В. Немыцкого, а также переводы работ Ф. Рисса и И. Радона) в первом выпуске, по выпуклым многогранникам (Б. Н. Делоне, Л. А. Люстерника, а также Г. Минковского, М. Дена, Э. Хели) и топологическим группам (Л. С. Понтрягина, а также Ф. Петера и Г. Вейля, С. Банаха, Дж. фон Неймана) во втором, по алгебраической геометрии (переводы статей С. Лефшеца, О. Зарисского, А. Вейля) в третьем, по приближенным методам анализа (Д. Ю. Панова, а также Л. Вьеториса, Р. Меллока) и группам Ли (Л. С. Понтрягина, а также Г. Вейля, Б. Л. Ван дер Вардена) в четвертом, по случайным процессам (А. Н. Колмогорова, А. Я. Хинчина, а также У. Феллера) и квазианалитическим функциям (переводы статей Ш. Валле-Пуссена и др.) в пятом, по теории функций комплексного переменного

(Г. М. Голузина, М. В. Келдыша, Л. И. Седова, а также Р. Неванлинны, Л. Альфорса) в шестом, по метрическим задачам аддитивной теории чисел (Л. Г. Шнирельмана, П. П. Романова, А. Я. Хинчина, а также И. Шура, П. Эрдеша, Г. Дэвенпорта и др.) и графическим методам пространственной статики и кинематики (С. А. Христиановича, а также Р. Мизеса, Р. Мемке и др.) в седьмом, по эллиптическим дифференциальным уравнениям с частными производными (С. Н. Бернштейна, И. Г. Петровского, Л. А. Люстерника, Г. Леви, Р. Куранта совместно с К. Фридрихсом и Г. Леви, У. Феллера) в восьмом, по теории линейных операторов в гильбертовом пространстве (А. И. Плеснера, Н. И. Ахиезера, а также Ф. Рисса) и качественной теории дифференциальных уравнений (переводы работ И. Бендиксона, М. Фроммера, В. Майера) в девятом, наконец, по наглядной геометрии (Л. Г. Шнирельмана, Д. О. Шклярского, а также О. Коши, А. Кэли, Г. Хопфа и др.), теории вероятностей и математической статистике (С. Н. Бернштейна, Б. В. Гнеденко, Н. В. Смирнова, а также Г. Крамера и Е. Неймана) в десятом.

Если к этому добавить обзоры А. Г. Куроша по проблемам теории бесконечных групп (третий выпуск), Б. Н. Делоне по геометрии положительных квадратичных форм (третий выпуск), статьи С. Э. Кон-Фоссена об изгибании поверхностей в целом (первый выпуск), И. Г. Петровского о задаче Коши в области неаналитических функций (третий выпуск), Н. Г. Чудакова о новых результатах в теории распределения простых чисел (третий выпуск) и проблеме Гольдбаха (четвертый выпуск), лекции В. Бляшке по интегральной геометрии (пятый выпуск), работу Л. Г. Шнирельмана об аддитивных свойствах чисел (шестой выпуск), то читателю представлялась широкая панорама современной математики в изложении крупнейших специалистов. Заметим также, что при этом не упускались из вида и вопросы прикладной математики – к названным циклам добавим обзоры С. Л. Соболева и С. Г. Михлина о математической сейсмологии в СССР (первый выпуск), С. Г. Михлина по математической теории пластичности (третий выпуск).

В большинстве выпусков имелся специальный раздел “Математическая проблематика”, предлагающий читателям задачи и темы для разработки.

В сборнике помещались также работы по истории математики как в древности (например, статьи М. Я. Выгодского о математике в Древнем Вавилоне в седьмом и восьмом выпусках), так и в Новое время – статьи А. Н. Крылова и Н. Г. Чеботарёва о творчестве Ж. Лагранжа во втором выпуске. Исторический характер носит статья Н. Г. Чеботарёва о С. О. Шатуновском, приуроченная к 10-летию смерти ученого, опубликованная в седьмом выпуске. Десятилетие знаменитого топологического кружка в Московском университете отмечено заметкой В. В. Немыцкого во втором выпуске (1936).

Значительное место занимала информация о математической жизни в стране и мире: заметки П. С. Александрова о Международной топологической конференции в Москве (первый выпуск), И. С. Куклеа об исследованиях по математике и механике в Дальневосточном университете (первый выпуск), С. Б. Бергмана о научной работе по теории аналитических функций в Институте математики и механики Томского университета (первый выпуск), М. Ф. Кравчука о работах Института математики АН Украины (третий выпуск), Н. Е. Кочина о конференции по волновому сопротивлению (третий выпуск), Н. Г. Чеботарёва об основных направлениях исследований Института математики и механики Харьковского университета, (третий выпуск) и о математической жизни в Казани (четвертый выпуск), А. Ф. Берманта об исследованиях по теории функций комплексного переменного (четвертый выпуск) и А. М. Журавского о работе по прикладной математике (пятый выпуск) в Математическом институте им. В. А. Стеклова, В. Д. Купрадзе о работе Математического института в Тбилиси (четвертый выпуск), о работе Научно-исследовательского института математики и механики Московского университета (четвертый и пятый выпуски), А. Вейля о математических науках во Франции (первый выпуск) и в Индии (второй выпуск), С. Лефшеца о математических исследованиях в Принстоне (первый и пятый выпуски) и др.

Важное место было отведено персоналиям. Это заметки к юбилеям ученых: к 70-летию Ж. Адамара во втором выпуске (статьи Петровского и Соболева, а также Гельфонда и Шнирельмана), к 50-летию педагогической деятельности Д. А. Граве в третьем выпуске (заметка Чеботарёва), к 60-летию С. Н. Бернштейна в восьмом выпуске; это некрологи С. Э. Кон-Фоссена (первый выпуск), Э. Нётер (второй выпуск), Г. В. Колосова (четвертый выпуск),

Л. Г. Шнирельмана (шестой выпуск), М. Оканя (седьмой выпуск), Д. А. Граве, В. И. Гливенко и Е. А. Нарышкиной (восьмой выпуск).

Каждый выпуск (кроме последнего) завершался разделом “Библиография”, содержащим рецензии на появившуюся математическую литературу: научную и учебную.

К сожалению, регулярному изданию первой серии выпусков “Успехов математических наук” помешали неблагоприятные внешние условия: если поначалу в 1936 г. вышло два выпуска, в 1937 г. – один, в 1938 г. – два, в 1939–1940 гг. выходило по одному выпуску в год, в 1941 г. два выпуска, то выход последнего, десятого, состоялся лишь за год до окончания войны – в 1944 г. Тем не менее это издание сыграло выдающуюся роль в развитии и в консолидации советского математического сообщества в это сложное для страны время. Оно послужило повышению математической культуры в сообществе и заложило основание для организации математического журнала нового типа, каким стали новые “Успехи”, начавшие регулярно выходить сразу после войны.

С. С. Демидов, В. М. Тихомиров, Т. А. Токарева

Список литературы

- [1] А. П. Юшкевич, *История математики в России до 1917 года*, Наука, М., 1968, 591 с.
- [2] Т. А. Токарева, “Филоматический пролог Московского математического общества”, *Истор.-матем. исслед.*, сер. 2, **7(42)**, Изд-во “Янус-К”, М., 2002, 39–62.
- [3] И. И. Лихолетов, Л. Е. Майстров, *Николай Дмитриевич Брашман (1796–1866)*, МГУ, М., 1971, 84 с.
- [4] “Материалы для истории Московского Математического Общества”, *Матем. сб.*, **14:3** (1889), 471–486.
- [5] “Уставъ Московскаго Математическаго Общества”, *Матем. сб.*, **2:1** (1867), III–VI.
- [6] С. С. Демидов, “Математический сборник в 1866–1935 гг.”, *Истор.-матем. исслед.*, сер. 2, **1(36)**, Изд-во “Янус-К”, М., 1996, 127–145.
- [7] С. С. Демидов, “Н. В. Бугаев и возникновение Московской школы теории функций действительного переменного”, *Истор.-матем. исслед.*, **29**, Наука, М., 1985, 113–124.
- [8] С. С. Демидов, “Профессор Московского университета Дмитрий Федорович Егоров и имеславие в России в первой трети XX столетия”, *Истор.-матем. исслед.*, сер. 2, **4(39)**, Изд-во “Янус-К”, М., 1999, 123–156.
- [9] С. М. Половинкин, “О студенческом математическом кружке при Московском математическом обществе в 1902–1903 гг.”, *Истор.-матем. исслед.*, **30**, Наука, М., 1986, 148–158.
- [10] П. А. Флоренский, “Черновик выступления на открытии студенческого математического кружка при Московском математическом обществе”, *Истор.-матем. исслед.*, **32-33**, Наука, М., 1990, 467–473.
- [11] П. С. Александров, О. Н. Головин, “Московское математическое общество”, *УМН*, **12:6(78)** (1957), 9–46.
- [12] Т. А. Токарева, “Первые съезды отечественных математиков: предыстория и формирование Советской математической школы”, *Истор.-матем. исслед.*, сер. 2, **6(41)**, Изд-во “Янус-К”, М., 2001, 213–231.
- [13] С. С. Демидов, Б. В. Левшин (ред.), *Дело академика Николая Николаевича Лузина*, РХГИ, СПб., 1999, 312 с.
- [14] Т. А. Токарева, “Белое пятно, или черные страницы в истории Московского математического общества”, *Истор.-матем. исслед.*, сер. 2, **12(47)**, Изд-во “Янус-К”, М., 2007, 104–124.

- [15] Т. А. Токарева, “Московское математическое общество после реорганизации и во время Великой Отечественной войны”, Истор.-матем. исслед., сер. 2, **15(50)**, Изд-во “Янус-К”, М., 2014, 11–16.
- [16] С. С. Демидов, “70 лет журналу ‘Успехи математических наук’”, *УМН*, **61:4(370)** (2006), 203–207; англ. пер.: S. S. Demidov, “70 years of the journal *Uspekhi Matematicheskikh Nauk*”, *Russian Math. Surveys*, **61:4** (2006), 793–797.
- [17] “Заседания Московского математического общества”, *УМН*, **20:1(121)** (1965), 235–236.
- [18] П. С. Александров, “Вступительный доклад на торжественном заседании Московского математического общества 20 октября 1964 г.”, *УМН*, **20:3(123)** (1965), 4–9; англ. пер.: P. S. Aleksandrov, “Opening address of the special session of the Moscow Mathematical Society on October 20th, 1964”, *Russian Math. Surveys*, **20:3** (1965), 2–7.
- [19] А. Г. Курош, “Московское математическое общество за последнюю треть века (Доклад на юбилейном заседании Общества 20.10.1964)”, *УМН*, **20:3(123)** (1965), 10–18; англ. пер.: A. G. Kurosh, “The Moscow Mathematical Society in the last third of a century (Lecture to the centennial session of the Society, October 20, 1964)”, *Russian Math. Surveys*, **20:3** (1965), 19–20.
- [20] Д. Е. Меньшов, “Московское общество в период 1910–1920 гг.”, *УМН*, **20:3(123)** (1965), 19–20; англ. пер.: D. E. Men'shov, “The Moscow Mathematical Society in the period 1910–1920”, *Russian Math. Surveys*, **20:3** (1965), 17–18.
- [21] Л. А. Люстерник, “Выступление на юбилейном заседании Московского математического общества”, *УМН*, **20:3(123)** (1965), 21–30; англ. пер.: L. A. Lyusternik, “Address at the jubilee session of the Moscow Mathematical Society”, *Russian Math. Surveys*, **20:3** (1965), 19–27.
- [22] Н. Н. Боголюбов, “Математические вопросы квантовой теории поля”, *УМН*, **20:3(123)** (1965), 31–40; англ. пер.: N. N. Bogolyubov, “Mathematical problems of quantum field theory”, *Russian Math. Surveys*, **20:3** (1965), 28–36.
- [23] С. П. Новиков, “Новые идеи в алгебраической топологии (K -теория и ее применения)”, *УМН*, **20:3(123)** (1965), 41–66; англ. пер.: S. P. Novikov, “New ideas in algebraic topology (K -theory and its applications)”, *Russian Math. Surveys*, **20:3** (1965), 37–62.
- [24] А. В. Скороход, “Конструктивные методы задания случайных процессов”, *УМН*, **20:3(123)** (1965), 67–87; англ. пер.: A. V. Skorokhod, “Constructive methods of specifying stochastic processes”, *Russian Math. Surveys*, **20:3** (1965), 63–83.